

ПОРТРЕТЫ

ФОРМЫ АДАПТАЦИИ И КОНФЛИКТЫ КИТАЙСКИХ ИММИГРАНТОВ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

А.С. Бельченко

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу специфики и роли китайской миграции, основным категориям китайских переселенцев, а также их влиянию на социально-экономическую и политическую жизнь стран Юго-Восточной Азии в XVIII — начале XIX века.

Страны современного мира по экономическому признаку поделены на развитые и развивающиеся. Демографическая ситуация сложилась таким образом, что в странах с развитой экономикой падает рождаемость и растет продолжительность жизни, что приводит к тому, что на рынке труда появляется большое количество вакантных мест, в то время как в развивающихся странах протекают совершенно обратные процессы. В результате в развивающихся странах растет количество молодых работоспособных людей, лишенных возможности найти применение своих сил у себя на родине. Такая ситуация привела к тому, что в мире появились страны «доноры», население которых по достижении работоспособного возраста стремится эмигрировать в страны, где есть хоть возможность найти работу. Одни страны заинтересованы в притоке рабочей силы, а другие готовы поощрять трудовую миграцию. В результате в мире появились стабильные векторы миграционных потоков: перемещение жителей испаноговорящей Америки в США, жителей северной и центральной Африки — в страны Западной Европы, в этом же направлении устремляются потоки эмигрантов из стран мусульманской Азии. Но в этих, годами сложившихся эмиграционных потоках, пожалуй, есть одно исключение: жители КНР не имеют приоритетного вектора эмиграции. Ситуация с эмиграцией из Китая поистине уникальна, граждане КНР выезжают не только в такие страны с развитой экономикой, такие как США, Австралия, Япония, Корея, страны Западной Европы, но и в соседние развивающиеся страны — Вьетнам, Индонезию,

Филиппины, Таиланд, Кампучию, Лаос. Парадокс ситуации заключается в том, что даже в развивающихся странах с избытком рабочей силы иммигранты из КНР, как правило, находят применение своим силам. Возможность успешно устраиваться в этнически чуждых и даже враждебно настроенных к китайским эмигрантам странах отличает китайцев от всех остальных переселенцев.

Традиция к далеким путешествиям в поисках работы была присуща китайским крестьянам еще задолго до начала нашей эры. Древняя история Китая изобилует примерами перемещения больших масс населения из одной части государства в другую с целью освоения новых пахенных земель и защиты границ. Пожалуй, началом драмы под названием внутренние миграции можно назвать перенос столицы чжоуского Китая Пин-ваном на восток страны вместе с тысячами ее жителей в 771—770 гг. до н.э. [3. С. 46]. Следующее великое переселение произошло уже во время империи Цинь, когда по приказу первого китайского императора Цинь Шихуан-ди примерно в 220 г. до н.э. в новую столицу империи было насильственно переселено 120 тыс. семей наследственной знати из всех царств чжоуского Китая [3. С. 113]. Переселенцы освобождались от государственных повинностей сроком на десять лет. Примерно на таких же условиях 30 тыс. земледельческих семей в 219 г. до н.э. были переселены в Хэбэй, в область Юйчжун, где главам семей присвоили соответствующий ранг знатности. В обоих последних случаях крестьяне на длительный срок освобождались от выполнения государственных повинностей, что в то время было абсолютно не характерно для циньского Китая, в котором налоги и повинности росли практически ежегодно [4. С. 110]. Наличие свободных земель и освобождение от государственных повинностей могли серьезно заинтересовать крестьян и подтолкнуть их к добровольному переселению. Процесс переселения крестьян в поисках новых пахотных земель и защиты границ китайское государство стимулировало и в новую эру. Статистика показывает, что происходит миграция древних китайцев из уже освоенных северных районов на южные рубежи империи в район современной провинции Хунань, где за несколько десятилетий II в. н.э. население увеличилось на несколько миллионов человек [4. С. 51]. В период раннего средневековья императоры различных династий добровольно или принудительно перемещали миллионы людей по Китайской равнине.

Добровольное или вынужденное стремление китайцев к перемене мест с целью повышения своего благосостояния не ограничивалось только Центральной равниной. Привычка перемещаться на длительные расстояния и надолго оставаться вдали от дома и семьи в поисках работы привела к тому, что китайцы стали искать средства к существованию и вдали от родины. Обычно три категории китайцев выезжали в соседние страны. Первую составляли торговцы, стремившиеся продать товары местного китайского рынка, а также закупить экзотические грузы, которые не встречались в Китае. Вторую категорию составляли безземельные крестьяне и безработные матросы, нанимавшиеся в услужение к купцам, занимавшимся международной торговлей. К третьей категории можно отнести людей, которые стремились покинуть Китай, дабы избежать наказания за какое-либо преступле-

ние (беглые солдаты, преступники, повстанцы, проворовавшиеся чиновники). Соседние с Китаем страны никогда не приглашали к себе китайское население, но, несмотря на то, что в этих странах не было недостатка рабочей силы, китайские переселенцы, с младенчества привыкшие к жесточайшей конкурентной борьбе у себя на родине, без труда находили применение своим силам. Традиционно основными занятиями китайцев за границей были торговля и ремесло. Китайские купцы, попав за пределы Китая, занимались внутренней и внешней торговлей, успешно конкурируя с местной знатью и купечеством. Более того, местные аристократы, разрешившие китайским купцам функционировать на их родине, через несколько лет были вынуждены, как правило, занимать деньги у китайских купцов, попадая от них в некоторую экономическую зависимость. Китайские торговцы становились настолько богатыми и приобретали такую власть, что местные правители, для того чтобы заручиться их поддержкой, часто отдавали своих дочерей им в жены, закрепляя, таким образом, их статус у себя на родине. Малоимущие китайцы, различными способами попавшие за пределы родины, предпочитали идти в услужение к богатым соотечественникам, благодаря упорной работе, экономному образу жизни и покровительству через несколько лет сами становились сначала мелкими, а затем и средними купцами.

О проникновении первых китайских переселенцев в соседние страны можно с уверенностью говорить, начиная с первого тысячелетия нашей эры. Именно с этого времени, добровольно или в силу сложившихся обстоятельств, китайцы создают первые поселения в странах Юго-Восточной Азии. В XIII в. китайские императоры активно вели военные действия на территории ЮВА, так, в частности, войска империи Юань в 1277 г. вторглись в Бирму, в 1281 г. захватили область Тямпы, в 1285 г. — столицу Вьетнама, в 1293 г. высадились на остров Яву. После ухода китайских войск из этих государств в них остались постоянно проживающие китайцы, как правило, занимающиеся торговлей или ремеслом [1. С. 104]. Следующей вехой в проникновении китайцев в страны ЮВА, или, как их называли сами китайцы, в «страны Южных морей» (Наньян), стал XV век, когда китайский адмирал Чжэн Хэ во главе огромной по тем временам армады кораблей с 1405 по 1433 гг. предпринял ряд походов в страны Юго-Восточной Азии. Китайские купцы, дипломаты и военачальники занимались торговлей, разведкой, активно вмешивались во внутреннюю и внешнюю политику суверенных государств региона. Одной из важных задач своего путешествия Чжэн Хэ видел в расширении влияния китайцев в этом регионе, для чего он активно способствовал вовлечению китайских купцов в международную торговлю, поддерживал уже существующие общины китайцев и всячески способствовал усилению их экономической и политической роли. Так, в частности, в государстве Палембанг на острове Суматра в 1407 г. Чжэн Хэ в качестве правителя приводит к власти китайца по имени Ши Цзиньцин [2. С. 77]. Именно Чжэн Хэ, который по вероисповеданию был мусульманином, способствовал тому, что ислам через китайских купцов-мусульман стал активно распространяться в регионе Юго-Восточной Азии. В 1385 г. император Чжу Юаньчжан приказал изгнать из Гуанчжоу — главного торгового порта Юж-

ного Китая — всех мусульман, причем как местных купцов, так и иностранцев. В результате этого огромное количество китайских мусульман, так или иначе связанных с международной морской торговлей, были вынуждены эмигрировать в страны Юго-Восточной Азии [1. С. 303]. Большое количество семей оказались разъединенными, и именно тогда китайские купцы начинают за деньги контрабандным путем вывозить людей в страны Юго-Восточной Азии. Имея опыт общения с иностранцами и владея языками стран «южных морей», китайские купцы под видом иностранных торговцев или послов приплывали в Китай, закупали там различные товары и в трюмах кораблей вывозили людей, спрятавшихся за тюками с товаром [2. С. 162]. Средневековая нелегальная эмиграция приносила доход больше, чем легальная международная торговля, и поэтому в этом бизнесе появились профессионалы. Кроме мотивации воссоединения с семьей многие китайцы были готовы платить деньги для того, чтобы избежать наказания на родине за различные совершенные преступления. Еще одна волна как легальной, так и нелегальной эмиграции относится к середине XVII в., когда Китай был завоеван маньчжурами. Тогда сотни тысяч человек бежали из Китая, кто на остров Тайвань, кто в страны «южных морей», и, пользуясь тем, что у маньчжуров не было опыта и средств для морских перемещений, беглецы несколько лет промышляли тем, что за деньги вывозили желающих уже из маньчжурского Китая. Так, в 1679 г. несколько тысяч китайцев на 50 джонках, спасаясь от маньчжуров, перебрались в центральный Вьетнам. В результате такого организованного и массового бегства серьезно увеличилось количество китайцев, проживающих в странах Юго-Восточной Азии. К концу XVII в. китайские общины в странах Юго-Восточной Азии окрепли настолько, что с ними приходилось считаться даже европейским завоевателям, которые активно сотрудничали с китайцами, используя их в качестве посредников между местным населением и колониальной администрацией. Имея длительную историю присутствия на территории стран ЮВА, китайские общины выработали схемы успешной адаптации в различных государствах региона. Как нельзя лучше для выживания китайцев в чужеродной среде подошли выработанные веками такие социальные институты, как «тайные общества» и «гунсы» («конси»). Китайские гунсы были организованы как совместные партнерства, а лица, входившие в организацию, были представлены собственным капиталом или рабочей силой.

В странах с развитой экономикой в современных условиях бытует мнение, что китайские иммигранты являются оптимальной иностранной рабочей силой. Утверждается также, что якобы китайские иммигранты не склонны к применению насилия и готовы решать любые вопросы, даже жизненно важные, только за столом переговоров и, более того, они всегда готовы идти на компромисс. Подтверждается этот тезис тем, что огромное количество китайских иммигрантов во всех странах мира берутся за любую, пускай даже самую непрестижную и малооплачиваемую работу. Существует также мнение, что китайцы абсолютно аполитичны и ни при каких условиях не будут заниматься политикой, и в подтверждение этого рядом авторов утверждается, что за пределами Китая практически

не существует китайских политических партий, созданных по национальному признаку.

Начиная с XVII в., количество китайцев в регионе ЮВА резко возрастает, так, например, когда голландские колонизаторы приняли решение строить новую столицу на острове Ява, то в качестве рабочей силы использовались только китайцы, местное население использовалось лишь в качестве неквалифицированной рабочей силы. Таким образом, в столице голландской Явы — Батавии концентрация китайцев стала настолько высокой, что уже к 1700 г. количество китайцев в столице составляло 17% от общего количества населения, что составляло примерно около 15 тысяч человек. В окрестностях столицы китайцев проживало еще больше — около 26%, (по мнению немецкого исследователя А. Гамб, население Батавии составляло 60 тысяч человек, а в пригородах проживало еще 40 тысяч крестьян) [6. С. 49], то есть в столице проживало примерно 10 200 китайцев, а в ее окрестностях — примерно 10 400. Китайцы, проживавшие в Батавии, в основном были заняты торговлей и строительством, а те, кто обосновались в окрестностях столицы, контролировали всю цепочку производства сахара от его выращивания до продажи в качестве готового продукта [13]. Голландцы к 1690 г. были крайне обеспокоены высокой концентрацией китайцев как в столичном регионе, так и на всем острове Ява, и в 1690 г. стали предпринимать серьезные шаги против увеличения китайской иммиграции на Яву. Но остановить лавинообразный поток иммигрантов из Китая голландская администрация уже была не в силах. Стабильное повышение спроса европейских и американских рынков на сахар и рост цен на этот продукт стимулировало богатых китайцев завозить в огромном количестве дешевую рабочую силу из Китая. В самом конце XVII и начале XVIII вв. китайцы на Яве создали новые плантации по выращиванию сахарного тростника, а также предприятия по его переработке. Подавляющее большинство таких предприятий работало по привычной для китайцев схеме «гунсы» («конси», в современном значении — «фирма», «предприятие»). На острове Ява, как и в других частях Юго-Восточной Азии китайские гунсы были организованы как совместные партнерства, а лица, входившие в эту организацию, могли быть представлены собственным капиталом, если же его не было, то в качестве вступительного взноса они предлагали свою рабочую силу. Каждый член организации участвовал в разделе получаемой прибыли, не зависимо от того, предоставлял ли он свой труд или капитал. Как правило, гунсы возглавлял человек, предоставивший большую часть средств, и если каждый рядовой член гунсы при разделе прибыли получал одну долю, то глава организации таких долей мог иметь 10, 20 или 30. На острове Ява на ранних стадиях появления сахарных плантаций гунсы основывали люди, находящиеся в родственных отношениях или прибывшие из одной деревни, кроме того, гунсы часто основывались группой мужчин, носящих одну фамилию [9. С. 4]. Так как многие гунсы состояли из людей, хорошо знавших друг друга или имевших родственные связи, эти производственные организации часто носили кровно-родственный и ритуально-обусловленный характер, вне производственной сферы деятельность этих людей была трудноотличима от деятельности тайных обществ. Несколько маленьких гунсы одного региона как правило консоли-

дировались в одну большую гунсы, которую возглавлял самый богатый или авторитетный китаец, которого признавали даже голландские колонизаторы, разрешавшие ему собирать налоги со всей китайской общины и вершить над ними суд [6. С. 48]. Объединения гунсы имели при себе специальные отряды самообороны, которые в случае необходимости могли противостоять как местному населению, так и другим китайским экономическим объединениям и даже европейским колонизаторам. Гунсы могли вершить суд над провинившимися членами организации и заниматься благотворительностью внутри китайской общины.

К XVIII в. на острове Ява уже не оставалось свободных земель для сельского хозяйства, и китайцы, объединенные в гунсы, самыми разными методами вытесняли местное население с традиционно принадлежащих им земель, высаживая на них сельскохозяйственные культуры, нехарактерные для местного региона, такие как табак, опиный мак, сахарный тростник. Кроме постоянного захвата земель китайцы разрушали веками сложившуюся ирригационную систему, в результате чего поля местных крестьян получали воды меньше, чем было необходимо. Все эти действия китайцев резко усугубили вражду между ними и местным населением. Кроме того, несбалансированный отбор воды из рек и водоемов привел к обмелению рек, протекающих через г. Батавию, и как следствие — к заболачиванию некоторых районов в городе, что, в свою очередь, привело к вспышкам малярии. Первая вспышка заболевания была зарегистрирована в 1733 г. От малярии страдали как сами китайцы, так и европейцы, жившие в столице. После того как голландцы выяснили причину распространения малярии, они стали закрывать плантации сахарного тростника, принадлежащие китайцам, при этом падение цен в Европе на сахар так же способствовало обнищанию тысяч китайцев. В столичном районе «голландской Индии» появились тысячи безработных китайцев. Но благодаря сложной социальной системе, основанной на принципах тайных обществ, китайские лидеры превратили вчерашних сельскохозяйственных рабочих в разбойников, которые нападали и грабили деревни местных жителей, а иногда и плантации, принадлежащие европейцам. После подобного поворота событий голландцы решают радикально сократить количество китайцев, проживающих в столице и ее окрестностях, в результате чего был принят план, по которому китайцев предполагалось грузить на корабли и отправлять на остров Цейлон. Узнав об этом решении, китайцы в начале 1740 г. стали готовить вооруженное восстание, но эта информация дошла до полиции, и голландцы предприняли упреждающие шаги. В июле 1740 г. руководитель китайской общины и его семья были арестованы. В начале сентября 1740 г. голландская полиция обыскала все дома в Батавии, в которых жили китайцы, конфисковала огнестрельное и холодное оружие.

7 октября 1740 г. произошло беспрецедентное событие: впервые вооруженные китайцы напали на европейцев, причем произошел этот инцидент за пределами г. Батавии [13]. Голландская полиция восприняла это нападение как начало вооруженного восстания, и 9 октября приступила к массовому уничтожению китайцев на улицах Батавии, за три дня согласно разным источникам было убито от 5000 до 10 000 китайцев, затем голландская армия и полиция вышли за городские сте-

ны и стали уничтожать китайцев в окрестностях столицы [16]. Уцелевшие в боине китайцы объединились в отряды, руководили которыми главы тайных обществ, и стали оказывать активное сопротивление голландским войскам. С октября 1740 г. вооруженную борьбу китайцев с голландской армией и полицией принято называть «китайской войной». Китайцы, проживавшие на острове Ява, создают армию, построенную на принципах тайного общества, которая вступила в открытую вооруженную борьбу как с голландскими колонизаторами, так и с местными мусульманскими султанами. Богатые китайские купцы, не принимавшие активного участия в сопротивлении голландцам, помогали восставшим продовольствием, деньгами и вооружением. Достаточно сказать, что в китайской армии на вооружении имелись 30 артиллерийских орудий [16]. Несмотря на то, что с октября 1740 г. и вплоть до середины 1742 г. китайцы сражались вполне успешно, восстание закончилось в октябре 1742 г. победой голландцев. Необходимость в китайцах как в незаменимых работниках и посредниках при общении с местным населением была настолько велика, что колониальные власти не стали преследовать китайцев и через некоторое время объявили амнистию всем, кто принимал участие в этой войне.

Одним из самых известных социальных институтов китайцев являлись тайные общества. Китайские тайные общества появлялись практически везде, где расселялись китайцы, причем одной из самых важных функций подобных организаций было поддержание безопасности внутри этнической группы, защита ее как от нападений местного населения, так и от других, подобных китайских организаций. Конфликты между китайскими тайными обществами возникали очень часто по самым разным поводам: конкуренция в бизнесе, религиозные противоречия, контроль над территорией, криминальные конфликты, причем споры не всегда удавалось решить мирным путем. Столкновения между китайскими тайными обществами на территории стран Юго-Восточной Азии, как правило, характеризовались особой жестокостью и приводили к многочисленным жертвам. Так, в колониальной Малайе в 1848 г. произошло кровавое столкновение между двумя тайными обществами Хайсаньшэ и Цисиньшэ, война вспыхнула из-за ожесточенной борьбы за контроль над оловянными рудниками в Кесанге. В Сингапуре в 1854 г. вспыхнули уличные беспорядки между двумя конкурирующими тайными организациями Цисиньшэ и Цихэншэ, полиции не удавалось усмирить их в течение 10 дней, и в результате беспорядков погибло около 400 китайцев. В 1863 г. в Сингапуре вновь вспыхнуло вооруженное противостояние между этими же тайными обществами. Точное количество жертв неизвестно, так как китайцы не имели традиции оставлять своих убитых на улицах города, но, по свидетельству очевидцев, счет шел на сотни убитых. В Пенанге в 1867 г. также произошли жестокие кровавые вооруженные столкновения между тайным обществом Цисиньшэ и Сяньтяньшэ, основным мотивом для вооруженной борьбы был раздел сфер экономического влияния [7].

Самым масштабным вооруженным выступлением китайских тайных обществ можно считать их участие в Малайских династийных войнах 1862—1873 гг., ког-

да тайные общества Хайсаньшэ и Цисиньшэ поддерживали различных кандидатов на престол. Тогда в настоящие военные действия были вовлечены более 30 тысяч китайцев. В Малайе тайные китайские общества существовали абсолютно легально (с разрешения английской колониальной администрации), имели официальную резиденцию и свой храм. Основными экспортными отраслями были сельское хозяйство, а также добыча олова, которое являлось неотъемлемой составляющей при производстве бронзы, причем олово из рудников продавалось по всем странам Восточной и Юго-Восточной Азии, и спрос на него был огромен. До XIX в. добычей олова занимались местные крестьяне, но с открытием новых месторождений появился дефицит рабочих рук, в образовавшуюся нишу устремились китайцы. К середине XIX в. торговая китайская буржуазия стала серьезной экономической силой, с которой приходилось считаться как местным султанам, так и английским колонизаторам. Взамен на щедрые денежные пожертвования местные малайские землевладельцы разрешили китайцам эксплуатацию новых месторождений, так как ни малайские аристократы, ни английские колонизаторы не могли найти необходимое количество квалифицированной рабочей силы. В дело вмешались уже существующие в XIX в. в Малайе китайские тайные общества, которые и взяли на себя всю ответственность за вербовку рабочей силы в Китае, транспортировку ее в Малайю, обеспечение шахтеров питанием, оборудованием и работой. За соблюдением порядка и законности так же стали следить тайные китайские общества через свои специальные структуры.

Изобретение консервных банок англичанином Питером Дюраном в 20-х годах XIX в. резко повысило спрос на добываемое китайцами олово. По законам рынка повышенный спрос рождал предложение, в результате чего были открыты новые шахты, и если в 30-х годах XIX в. добыча олова на полуострове составляла 2 тыс. тонн, то в начале 70-х она достигла 6 тыс. тонн [5]. Повысилась и цена на добываемый металл [14]. Высокая рентабельность добычи олова привела к росту конкурентной борьбы между различными китайскими тайными обществами за разработку все новых и новых месторождений. В начале 50-х годов XIX в. в Малайе по количеству членов лидировало тайное общество, состоящее из представителей народности хакка под названием Хайсань. Большая часть членов этого общества состояла из потерпевших поражение участников тайпинского восстания, которым удалось бежать за пределы Китая. Второе по численности тайное общество составляли выходцы из Кантона, и называлось оно Цисинь [15]. Всего на территории Малайи к концу 70-х годов XIX в. находилось более 100 тысяч китайцев. Традиционно считается, что первые тайные общества появляются в Малайе в 1824 г. Исследователи отмечают, что самые первые члены тайных обществ Малайи были организованы людьми, промышленявшими разбоем и пиратством [8. С. 8]. Противостояние двух самых могущественных в Малайе тайных китайских обществ началось в княжестве Ларут и вылилось в так называемые «ларутские войны». Прелюдия к «ларутским войнам» развернулась в 1859 г. из-за территориального спора, а именно, какое китайское тайное общество будет контролировать реку, которая на самом деле являлась жизненно важной транспортной артерией,

по которой доставлялась как продукция, добытая в шахтах, так и продукты питания. «Первая ларутская война» разгорелась в июле 1861 г., когда членам тайного общества Хайсань удалось с помощью местного правителя отобрать оловодобывающие шахты у тайного общества Цисинь в местности под названием Клян Бару. Выдавливание членов тайного общества Цисинь сопровождалось вооруженными столкновениями, и во избежание дальнейших жертв и беспорядков англичане вынуждены были вмешаться в происходящее, в результате чего лидеры тайного общества Хайсань выплатили компенсацию 17 447 долларов [10]. «Вторая ларутская война» вспыхнула из-за ссоры, возникшей во время карточной игры, в июне 1865 г. Члены тайного общества Хайсань захватили 14 человек из тайного общества Цисинь, 13 человек были убиты, а одному удалось бежать, и о случившейся бойне он рассказал своим лидерам. В ответ бойцы общества Цисинь напали на деревню, в которой проживали шахтеры из тайного общества Хайсань, в результате было убито около 40 шахтеров. Конфликт вышел за рамки княжества Ларут и перекинулся на другие районы, в том числе и на остров Пенанг, с обеих сторон были сотни убитых. При посредничестве англичан лидеры двух тайных обществ решили закончить войну. Война закончилась тем, что оба тайных общества были официально оштрафованы на 5 000 долларов за нарушение мира, а их лидеры высланы из страны. «Третья ларутская война» разгорелась из-за семейного скандала. Лидер тайного общества Цисинь и жена одного из руководителей общества Хайсань были уличены во внебрачных связях и убиты людьми из клана Цисинь. Мстя за смерть своего лидера, бойцы тайного общества Цисинь напали на деревни, населенные людьми из тайного общества Хайсань, в результате многодневного побоища людям из общества Хайсань пришлось покинуть княжество Ларут, и около 10 000 человек перебрались на остров Пенанг. Только спустя несколько месяцев, благодаря заступничеству правителя Ларута мантри Ибрахима, китайцы из тайного общества Хайсань смогли вернуться в Ларут и приступить к работе на шахтах.

В малайском княжестве Перак в 60—70-х годах XIX в. шла ожесточенная борьба местных феодалов за власть и сферы экономического влияния. В эту борьбу активно включились китайские тайные общества. Влияние и власть китайских тайных обществ были настолько велики, а пример успешного функционирования таких социальных организаций настолько очевиден, что подобные структуры стали создавать и другие этнические группы, проживавшие в Малайе. Так, в частности, малайские феодалы создали «Общество белого флага» и «Общество красного флага», в состав этих обществ входили как малайцы, так и тамилы. Китайское тайное общество Цисинь объединилось с «Обществом белого флага», которое возглавлял правитель Ларута султан Абдуллах, в то время как китайское тайное общество Хайсань объединилось с «Обществом красного флага», которому оказывал поддержку мантри Ибрахим, претендующий на пост султана Перака. Объединенные силы китайского тайного общества Цисинь и «Общества белого флага» имели в своих рядах около 30 000 человек, в то время как тайное общество Хайсань и «Общество красного флага» могли в случае необходимости мобилизовать не более 10 000 человек. Меньшее количество членов компенсировалось тем, что ли-

деры тайного общества Хайсань контролировали торговлю оружием и боеприпасами, и их бойцы имели на вооружении самое современное по тем временам огнестрельное оружие.

«Четвертая ларутская война» разгорелась летом 1873 г. Активные бойцы тайного общества Цисинь при поддержке воинов «Общества белого флага» с благословления раджи Абдуллаха совершили вооруженное нападение на приверженцев тайного общества Хайсань, вернувшихся в Ларут всего несколько недель назад после вмешательства англичан. Резиденция мантри Ибрахима была разрушена, многочисленная охрана из «Общества красного флага» была уничтожена, боевые действия распространились на несколько малайских и китайских деревень. Малайские претенденты на пост султана Перака были втянуты китайскими тайными обществами в настоящую кровавую войну за трон, в эту войну с обеих сторон были вовлечены до 40 000 человек. Широкомасштабные военные действия привели к резкому падению добычи олова, кризису в торговле продуктами питания и производстве опиума. Английские войска выступили на стороне султана Абдуллаха и вместе с его войсками и флотом захватили резиденцию, лидеров и активных бойцов враждебного ему китайского тайного общества. Ларутские войны закончились тем, что под диктовку англичан 20 января 1874 г. главы китайских тайных обществ подписали мирное соглашение, а султан Абдуллах стал признанным правителем княжества Перак.

Участие китайцев в малайских войнах носило исключительно экономический характер — они вели кровавую борьбу за распределение денежных потоков. Оказывая поддержку тому или иному претенденту на верховную власть, лидеры китайских тайных обществ выторговывали себе экономические преференции в виде права на разработку самых богатых оловянных шахт, торговлю алкоголем и продуктами питания, выращивание опиумного мака и право заниматься игорным бизнесом. В октябре 1873 г. состоялась встреча раджи Абдуллаха с главами китайских тайных обществ, которые за поддержку его кандидатуры потребовали вернуть им часть налогов, взысканных с китайцев за предыдущие 10 лет [11].

Реакция английской колониальной администрации на военные действия, развернутые китайскими тайными обществами, была вполне предсказуема. Англичане достаточно рано поняли, что главным режиссером в кровавых «ларутских войнах» являются китайские тайные общества. Только эти организации, пользовавшиеся безграничной властью, могли мобилизовать и бросить на войну тысячи людей. Стремление минимизировать экономическую и политическую власть и влияние китайских этнических групп заставило английскую администрацию ограничивать деятельность тайных обществ. В 1869 г. был принят закон «Об обязательной регистрации некоторых обществ и запрещении незаконных собраний». В 1882 г. было принято дополнение к закону о регистрации: «регистрационный орган должен отказывать в регистрации любым китайским организациям, которые потенциально могут наносить ущерб стабильности и порядку» [11]. Окончательно деятельность китайских тайных обществ в Малайе была запрещена в 1890 г., когда все китайские организации были признаны незаконными и их обязали пройти повторную

регистрацию. Но регистрировались только те организации, которые открывали для английской администрации все свои регистрационные, расчетные и бухгалтерские книги. Решение о запрете деятельности тайных обществ никак не отразилось на взаимоотношениях с китайской бизнес элитой. Лидеры китайских тайных обществ, как и прежде, занимали высокое имущественное положение и получали доходы от всех видов законной и незаконной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках. — М., 1982.
- [2] Бокщанин А.А. Китай и страны южных морей в XIV—XVI вв. — М., 1968.
- [3] История Китая: учебник / Под ред. А.В. Меликсетова. — М.: МГУ, 2002.
- [4] Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. — М.: Наука, 1983.
- [5] Тюрин В.А. История Малайзии. Краткий очерк. — М.: Наука, 1980.
- [6] Gambe A. Overseas Chinese Entrepreneurship and Capitalist Development in Southeast Asia. — Mëunster. 2000.
- [7] Ho Engseng. Gangsters into Gentlemen. //The Penang Story — International Conference, 2002, 18—22 April.
- [8] Lim Pui Huen. Continuity and Connectedness: The Ngee Heng Kongsi of Johor, 1844—1916 // Institute of Southeast Asian Studies visiting researchers series (ISEAS). — 2000. — № 2, January.
- [9] Trocki C. Opium, Empire and the Global Political Economy: A Study of the Asian Opium Trade 1750—1950. — New York and London, 2000.
- [10] encyclopedia.thefreedictionary.com/Larut+War.
- [11] en.wikipedia.org/wiki/Chung_Keng_Quee#Abdullah.27s_Mission_To_Singapore
- [12] en.wikipedia.org/wiki/Mataram_Sultanate
- [13] everything2.com/index.pl?node_id=1395178&lastnode_id=0
- [14] interluckby.com/index.php?area=1&p=static&page=kons
- [15] peranakanmansion.tripod.com/
- [16] www.1911encyclopedia.org/Batavia,_Dutch_East_Indies.

FORMS OF ADAPTATION AND CONFLICTS OF CHINESE IMMIGRANTS IN THE SOUTHEASTERN COUNTRIES IN THE XVIII AND THE BEGINNING OF THE XIXth CENTURY

A.S. Belchenko

World History Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with the analysis of the characteristic features and the role of the Chinese immigrants, their main categories as well as their role in social, economic and political life in the southeastern countries in XVIII and the beginning of the XIXth century.